

Глава 2. Деревенские пустыки. Наставления перед свадьбой

—

Линь Юэ смотрел на серьезные лица родителей, и в голове у него была полная неразбериха. Он собирался подождать, пока они заговорят первыми, но те лишь молча буравили его взглядом. В конце концов ему ничего не оставалось, кроме как заговорить самому:

— Папа, мама, что вы на меня так смотрите? Ну, приходили сегодня люди из семьи Шан, и что? Они что-то такое сказали, что вам так трудно подобрать слова?

Чжоу Вэньлань закатила глаза:

— К чему такая спешка? Мама уже и посмотреть на тебя не может?

Видя такой настрой матери, Линь Юэ не посмел пререкаться и лишь покорно закивал:

— Можно, можно, конечно, можно. Мама, тебе оттуда хорошо видно? Может, мне поближе подойти?

С этими словами Линь Юэ подался вперед, делая вид, что хочет прильнуть к плечу Чжоу Вэньлань, но та со смехом оттолкнула его.

— Иди-иди, такой взрослый уже, а всё кривляешься.

Чжоу Вэньлань тихо вздохнула, взяла со стола чашку, осушила её залпом и, обменявшись взглядом с отцом Линь Юэ, Ли Юанем, медленно заговорила:

— Юэ-гер, сегодня семья Шан приходила обсудить вашу свадьбу. Сказали, что если мы не против, то послезавтра утром они пришлют подарки для обручения. Тебя дома не было, так что мы с отцом не стали с тобой советоваться и сразу согласились.

Линь Юэ подпер подбородок рукой и пробормотал:

— А я-то думал, что стряслось нечто серьезное. Оказывается, всего лишь обряд начжэн. Дело естественное, согласились и ладно.

Чжоу Вэньлань не удержалась и легонько шлепнула его:

— Как только подарки будут приняты, дело можно считать решенным. Мы с отцом места себе не находим, жалко нам тебя отдавать, а ты — неблагодарный ребёнок!

Услышав это, Линь Юэ недовольно возразил:

— Мама, ты же сама тогда говорила, что этот Шан — человек неплохой, потому я и согласился. Я бы и еще года два подождал, прежде чем замуж выходить, да вы же сами не позволили.

Голос Чжоу Вэньлань стал еще громче и увереннее:

— Хорошие женихи на дороге не валяются! Если бы я продержала тебя дольше, ты бы перерос свой возраст, все твои ровесники бы уже переженились, и за кого бы ты тогда пошел?

Линь Юэ захлопал глазами:

— К тому времени те, кто младше меня, как раз подрастут. Без мужа бы не остался.

Чжоу Вэньлань оторопела и даже ущипнула сына за щеку:

— И кожа-то у тебя не толстая, а какие мечты сладкие строишь!

Заметив, что Линь Юэ хочет что-то вставить, она опередила его:

— Ладно, хватит паясничать, я с тобой о серьезных вещах говорю.

Линь Юэ нехотя проглотил готовые сорваться с языка слова и ответил:

— Говори, я слушаю.

Чжоу Вэньлань откашлялась и начала:

— Юэ-гер, мы с отцом присмотрели его, потому что он ученый. Если он и правда сдаст экзамен на сюцая, то получит освобождение от налогов и трудовой повинности. Ты тогда станешь «фуланом сюцая», и тебе не придется, как нам, каждый день в земле копать да на небо глядеть, будет ли урожай. Даже если не сдаст, в городе всегда найдет занятие получше, чем пашня.

— Теперь, когда с браком решено, у нас с отцом сердце наполовину успокоилось. Мечтаем только, чтобы свадьба прошла гладко, а после неё жили бы вы в согласии да достатке.

Она сделала паузу, и Линь Юань продолжил:

— У каждой семьи свой уклад, но в главном все похожи. Мы с матерью должны дать тебе несколько наставлений.

Чжоу Вэньлань согласно закивала. Она заранее подготовила речь и теперь говорила без запинки, долго и обстоятельно.

Линь Юэ поначалу кивал в такт её словам, но под конец мысли его начали путаться.

Однако Чжоу Вэньлань и не думала останавливаться. Она сменила тему и принялась описывать внешность парня из семьи Шан. Линь Юэ с детства питал слабость к красоте; будучи маленьким, он соглашался играть только с симпатичными детьми.

— Мы с отцом видели этого книжника Шана один раз. Черты лица у него правильные, разве что сам худощав, но это не беда. Ученому ведь в поле не пахать...

Линь Юэ немного оживился, вполуха слушая описания матери, но в его сознании невольно всплыл образ совсем другого человека.

Дом семьи Линь отделяла от дома Гао сюцая лишь одна стена. Сколько Линь Юэ себя помнил, Гао сюцай всегда набирал учеников. Лица многих из них примелькались, но имен он не знал. Почти все они были худощавыми, и лишь встреченный сегодня ученый Шэнь выделялся среди них. Высокий, статный, он редко носил длинный халат ученого и больше походил на охотника, чем на книжника.

Линь Юэ и сам не знал почему, но за последние пару лет он стал встречать его чаще. Хотя они почти не разговаривали, он запомнил его облик, и теперь при слове «ученый» первым делом вспомнил именно его.

Внезапно Линь Юэ заметил, что в комнате стало тихо. Подняв глаза, он увидел, что мать замолчала и выжидающе смотрит на него. Он неловко кашлянул:

— Я всё понял, мама. Я буду стараться жить хорошо.

Чжоу Вэньлань вздохнула. Пока свадьба не была назначена — она горевала, теперь назначена — и она снова горюет.

— Послезавтра принесут подарки, так что тебе нужно скорее дошить праздничное одеяло. Ты и правда невозможный: ткань купили еще до Нового года, а ты до сих пор не закончил. Больше не смей бездельничать.

— Шкатулку с приданым, сундуки из камфорного дерева, мебель — всё это уже заготовлено, об этом не беспокойся. Одно одеяло я уже сама вышила, добавишь своё — будет пара, «двойное счастье». Свадебный наряд вышьем вместе, за пару дней управимся...

При упоминании свадебного наряда Линь Юэ воскликнул:

— Мама, а можно свадебный наряд ты вышьешь? Я так, для виду, пару стежков сделаю. Моё мастерство в вышивке никуда не годится.

Чжоу Вэньлань отрезала:

— Теперь-то ты вспомнил, что вышивать не умеешь? А когда я тебя учила, ты на месте усидеть не мог, словно у тебя гвоздь в заднице.

Линь Юэ: — ...

Впрочем, в такой момент Чжоу Вэньлань не хотелось его ругать, и её голос смягчился:

— Когда свадебный наряд будет сшит, сам вышьешь узоры по краям и на манжетах, а переднюю часть я возьму на себя. И веер для свадьбы я тебе уже вышила.

Линь Юэ удовлетворенно закивал:

— Мама, ты такая добрая. Я подкопил немного денег, когда продавал еду, так что тоже смогу что-нибудь прикупить в дом.

— То, что скопил, оставь себе. Когда у тебя в руках есть деньги, тогда и на душе спокойнее. А мы с отцом еще добавим тебе на личные расходы.

Пока они разговаривали, вернулся Линь Ян, закончивший мыть посуду.

— Брат, я свои деньги тоже тебе отдам!

Линь Юэ не успел и слова вставить, как мать ответила за него:

— Твои «три монеты»? Те самые, что брат давал тебе за поручения? Говоришь-то как важно!

Линь Ян тут же заартачился:

— Мама, разве это моя вина? Это вы мне слишком мало денег на карманные расходы даете!

Чжоу Вэньлань покосилась на него:

— Ладно. Тогда не забудь отдать всё брату. Если я найду у тебя хоть одну лишнюю монету — лишу карманных денег на месяц.

— Я не буду прятать, всё отдам брату!

Линь Юэ «охнул» и поддразнил его:

— Ну, раз так, то с этого момента я перестаю платить тебе за поручения. Будешь работать на меня бесплатно.

Лицо Линь Яна перекошило, он то открывал, то закрывал рот.

— Хорошо... ладно. Брат, ну и сердце у тебя — камень.

— Ха-ха-ха-ха! Братец, я сама суровость! — Линь Юэ, глядя на его лицо, едва не сполз под стол от смеха.

Чжоу Вэньлань, глядя на их баловство, махнула рукой, выпроваживая обоих:

— Раз делать нечего, идите в огород овощи сажать, или со мной циновки плести. Скоро совсем стемнеет.

Лучшее время для посадки овощей — пасмурный день или сумерки. Почву поливают, и она дольше остается влажной, что помогает семенам укорениться, а рассаде — прижиться. Если сажать днем, солнце быстро погубит нежные ростки, и никакой полив не спасет.

У Линь Юэ дрогнула бровь. Плести циновки не трудно, но ужасно скучно, в огороде куда интереснее.

— Мама, мы пойдем в огород. Прямо сейчас.

Линь Ян не возражал. Они собрали семена, купленную сегодня рассаду, подхватили инструменты и вышли вон.

У деревни Юйшуй и соседних деревень была одна особенность: дома не стояли вплотную друг к другу, а располагались небольшими группами. Между ними пестрели лоскуты огородов и рисовых полей. Огород семьи Линь находился прямо через дорогу — удобно для сбора овощей, но хлопотно при посадке, так как воду приходилось носить с реки.

Выйдя за ворота, Линь Ян с коромыслом отправился к реке, а Линь Юэ открыл калитку и вошел в огород.

После праздника Цинмин дождей стало больше. Пару дней назад моросило, и только вчера прояснилось. Линь Юэ копнул землю — она была еще влажной, значит, воды сегодня понадобится меньше.

[*Цинмин (кит. 清明, Qīngmíngjìe), также известный как День поминовения усопших или Праздник чистого света, — один из четырех важнейших традиционных праздников Китая. Он отмечается ежегодно на 15-й день после весеннего равноденствия (обычно праздник выпадает на первую половину 3-го лунного месяца).]

Огород был небольшим, но очень аккуратным, разделенным на грядки. Слева от входа росли лук, чеснок и кориандр. Справа было место под баклажаны, а чуть дальше — две борозды для

фасоли и огурцов, которым нужны были подпорки для выющихся стеблей.

Впереди слева располагались два самых больших участка. Там раньше росли капуста и редька, после зимнего сбора землю перекопали, и теперь она пустовала, дожидаясь посадки перца чили и дынь. В углах ютилась мята. Справа впереди зеленели грядки с черемшой, пастушьей сумкой и другими привычными травами. А в самом углу была вырыта яма глубиной почти в три чи* — для сбора дождевой воды, чтобы поливать огород, когда времени в обрез.

[*Чи (кит. 卍) — традиционная китайская мера длины, часто называемая «китайским футом», которая на протяжении истории менялась, но в современной КНР стандартизирована как 1/3 метра (приблизительно 33,33 см). 1 чи составляет 1/10 часть чжана и делится на 10 цуней.]

Линь Юэ работал умело: делал грядки, выкапывал лунки, вносил удобрения. Когда Линь Ян вернулся со второй ходкой воды, они принялись за посадку.

Примерно через время, равное горению двух палочек благовоний*, Линь Юэ бросил последние семена и, выпрямившись, окликнул брата:

— Остальные две борозды я доделаю сам. Ты иди поливай, так мы быстрее закончим.

— Ладно, брат, я пошел! Если что — зови.

[*В древнем Китае время сгорания одной палочки благовоний (卍, сянь) традиционно составляло около 30–40 минут, что использовалось как мера для коротких промежутков, медитаций или для измерения времени, например, в медицине. В художественной или литературной традиции это выражение часто означало относительно небольшой, но ощутимый отрезок времени.]

Линь Юэ забрал у него мотыгу:

— Иди-иди, только не носи слишком много. Я закончу здесь и помогу тебе.

Линь Ян шуточно поиграл мышцами на руках:

— Я тебе не девица какая! У меня сил много, твоя помощь не нужна.

Линь Юэ всегда считал себя человеком спокойным, да и в деревне его звали «нежным гермом». В этом была доля правды, но только не тогда, когда дело касалось младшего брата — тот умел довести его до белого каления. Хуже всего было то, что Линь Ян даже не замечал гневных взглядов.

Последние два года, пока шли разговоры о замужестве, мать заставляла его усмирять нрав, и это принесло плоды — иначе он бы сейчас точно задал брату трепку.

— Хорошо, силач, тогда принеси на два ведра больше.

Линь Ян, приплясывая, ушел.

Линь Юэ не стал на него смотреть и вернулся к работе. С двумя бороздами он покончил быстро. Видя, что Линь Ян всё еще занят поливом, он отправился полоть траву в другом конце огорода.

Прополка кажется делом легким, куда проще, чем копать лунки, но это не так. Работая

мотыгой, нужно следить, чтобы не повредить корни овощей, и при этом выкорчевать сорняк полностью, стряхнув землю с его корней. Как держать инструмент, с какой силой бить — везде нужны сноровка и мастерство.

Совсем недавно в огороде уже пололи, так что сейчас лишь кое-где пробивалась молодая травка, и дело шло быстро. Если бы сорняки успели вырасти, пришлось бы сначала срезать их серпом.

Когда они закончили, солнце уже окончательно скрылось. Сгустились сумерки. На кухне под светом масляной лампы Чжоу Вэньлань плела циновку, а Ли Юань умывался.

Увидев их, Чжоу Вэньлань отложила работу:

— Наконец-то вернулись. Что же вы сегодня так долго? Пусть отец закончит, и вы живо умываться — и спать. Завтра дел невпроворот.

Линь Юэ отозвался:

— Мы всё в огороде засадили, потому и задержались.

— Могли бы и завтра доделать. Больше так поздно не задерживайтесь.

— Понял, мама. Вы тоже отдыхайте, мы сейчас быстро.

Вся семья быстро умылась, задула лампы и разошлась по комнатам.

В доме было три основных помещения: посередине — главный зал, с восточной стороны — спальня родителей, с западной — две комнаты поменьше. Дальняя комната, вход в которую был из главной комнаты, принадлежала Линь Яну (там же хранилась разная утварь). Вторая комната была комнатой Линь Юэ — единственная, где на дверном проеме висела занавеска.

Сегодня работа была не из тяжелых, но Линь Юэ долго ворочался в постели, прежде чем уснуть. Ему приснился какой-то шумный сон, будто кто-то ссорился, и это чувство было таким реальным, что он проснулся совершенно разбитым.

Чжоу Вэньлань встала еще раньше, согрела воду и готовила завтрак, поджидая мужа и сыновей. Увидев Линь Юэ, она удивилась:

— Чего это ты сегодня так рано вскочил? Неужто солнце на западе взошло?

Линь Юэ осекся. Хотел возразить, но почувствовал укол совести — ведь он всегда просыпался последним. Он молча подхватил таз с водой и вышел умываться.

Закончив, он составил таз и чайник в угол и вошел в кухню:

— Мама, что у нас на завтрак?

— Сварила кашу из злаков, сейчас еще лепешек напеку. Обедать в поле будем, домой не пойдем.

Весна была на исходе, а дела в поле не ждали: нужно было пахать, боронить, сеять и сажать рассаду. К тому же, горох, бобы и пшеница, посаженные в начале зимы, уже ждали жатвы и просушки.

Поля семьи Линь уже вспахали вместе с полями старшего дяди, оставались только клочки земли в горах, где на каждом участке умещалось всего пара борозд сорго. Гнать туда вола было неудобно, приходилось работать вручную. Родители сегодня собирались вскапывать землю, а братьям поручили убирать горох и бобы.

Линь Юэ заглянул в котел: тесто уже подошло.

— Мама, я сейчас нациплю немного лука, сделаем лепешки с луком, так будет вкуснее.

Чжоу Вэньлань кивнула:

— Только поторапливайся, небо уже светлеет.

—

<http://bllate.org/book/17206/1610777>